

Озорной детектив

Елена ЛОГУНОВА

“Дефиле
озорных толстушек”

Елена Ивановна Логунова

Дефиле озорных толстушек

Серия «Индия Кузнецова», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181411
Дефиле озорных толстушек: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-16640-8*

Аннотация

Сотрудница рекламного агентства с чудным именем Индия искала «мисс Спелый персик» – модель для рекламы магазина одежды больших размеров. Заказчику – знойному господину Хабибу – нужна не обычная толстушка, а могучая и сексапильная красотка. Индия с ног сбилась пока не обнаружила искомую барышню необъятных габаритов в аэропорту. Но вот беда – та улетела за границу с ребенком в приметном полосатом костюмчике и говорящим мишкой в руках. Индия уныло поперлась домой и вдруг увидела на улице... ребенка в таком же костюмчике, с таким же мишкой, но коляску везла совсем другая женщина. А кто же тогда улетел? Похоже, дело пахнет похищением!...

Содержание

Вторник	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Логунова

Дефиле озорных толстушек

Вторник

Опустив руки и плаксиво распустив губы шнурком, я стояла в скверике на пересечении двух центральных улиц, как статуя Отчаяния. Согбенные плечи и глубоко несчастное выражение лица абсолютно не шли к моему изящному деловому костюму из ослепительно белой ткани. Пальцами я нервно теребила оторочку жакета. Меня неудержимо тянуло взлохматить свою безупречную стрижку, сделанную хорошим мастером в дорогом салоне, а потом и вовсе начать рвать на себе волосы. Мои аккуратно подкрашенные глаза за строгими очками с простыми стеклами медленно, но верно наливались слезами. Меня не радовали ни глубокая синева сентябрьского неба, ни кружевная тень каштанов, ни игра искрящихся на солнце водяных струй, исторгаемых фонтаном. Обозрев всю эту красоту, я тоскливо вздохнула и произвела носом унылый звук, являющийся прелюдией к самозабвенному детскому реву.

– О чем, дева, плачешь, о чем слезы льешь? – опережая события, напел, поравнявшийся со мной, кокетливый старичок.

Я мрачно зыркнула на него влажными глазами и отвернулась, не желая вступать в разговор ни с этим конкретным девушкой, ни с кем-то иным. Вообще из всех категорий граждан меня в данный момент интересовали только молодые красивые женщины немодельных пропорций 150–100—150, и ни сантиметром меньше! Причем просто толстухи не годились, мне нужна была настоящая красотка – могучая, как цельнодеревянная дева на носу бригаантины, и привлекательная, как Клеопатра.

Эту мощную секс-бомбу я искала уже второй день. Не по собственной инициативе, конечно, а по заданию своего начальника – директора и владельца рекламно-информационного агентства «МБС» Михаила Брониславича Савицкого. Гордо названное в честь шефа по начальным буквам его ФИО агентство наше в бархатный сезон бесславно загибалось без заказов, поэтому каждого клиента Бронич был готов носить на руках.

– Инночка, детка, иди в народ и без модельки не возвращайся! – мягким и тяжелым, как львиная лапа, голосом сказал он мне вчера. – Сроку тебе даю одну неделю. – И он шепотом, чтобы не слышал клиент, добавил: – А потом мы или съёмочки начнем, или по миру пойдем.

Игрушечным словом «моделька» шеф назвал ту самую сексапильную великаншу, которую я должна была отловить на просторах родного города для съёмок рекламы магазина женской одежды «Кубанский габарит».

Это заведение недавно открылось в нашем городе в продолжение и развитие маркетинговой сети компании «Русский габарит». В разных географических точках нашей великой и необъятной родины уже работало несколько подобных специализированных магазинов: «Московский габарит», «Поволжский габарит», «Сибирский габарит» и разные-прочие габариты. Размерный ряд представленных в этих салонах одежек начинался с пятидесятого и заканчивался, как мне показалось, трехзначными номерами.

Заботу о пополнении гардероба дородных российских дам неумолимо проявлял господин Хабиб – бизнесмен афганского происхождения: смуглый, тощий и узловатый мужчина, поразительно похожий на высокорослый стебель кукурузы, засохший на корню. Сам он для визита в наше агентство экипировался оригинально – в национальный костюм из тонкой ткани модного в этом сезоне нежно-зеленого цвета, оранжевые с голубыми полосками кроссовки и желтую бейсболку, на козырьке которой примостился премиленький пушистый цыпленочек. Разноцветный наряд господина Хабиба слепил меня, как солнце. Разговаривая с ним, я щурилась и моргала.

– Мне нада хороший крупный дэвушка, пахожий на спэлый пэрсик! – на ломаном русском объяснил мне заказчик и широко, плавно взмахнул руками, обрисовав в воздухе «пэрсик», о котором Мичурин и не мечтал.

Фрукт такого размера можно было получить разве что путем противоестественного скрещивания плодового дерева с

упитанным индийским слоном.

– Персик так персик, – послушно кивнула я.

В первый момент задание не показалось мне сложным. Я даже обрадовалась ему, решив, что справлюсь с пустяковым поручением за денек-другой, а потом до конца недели буду отдыхать в свое удовольствие. Как бы не так!

Спустя сутки после разговора с шефом и клиентом мой энтузиазм не просто сошел к нулю – он упал в отрицательные числа! Мне уже не казалось, что найти заказанную господином Хабибом супергиперкрасотулю будет легко. Нет, пышных, полных, пухлых и просто толстых девиц я перевидала немало, со многими беседовала, некоторых даже фотографировала, но ни одна предложенная мной «моделька» господину Хабибу не понравилась. Почетный титул «Мисс Спэлый Пэрсик» пока не был присвоен никому. Снимки, которые я нынче утром веером выложила на стол, после невнимательного просмотра полетели в мусорную корзинку.

– Нэт! Хачу вот такую! – хищно дрогнув черными усами, заявил капризный заказчик.

Костлявым суставчатым пальцем, похожим на кривой бамбуковый стебель, господин Хабиб постучал по лаково блестящей странице богато иллюстрированной книги «История русской живописи». Альбом был раскрыт на репродукции известной картины Кустодиева «Русская Венера». Ну ничего себе! Я, значит, должна найти воплощенную мечту художника?! И это притом, что позировавшая живописцу на-

турщица наверняка почила в бозе еще в прошлом веке!

Я укоризненно посмотрела на Бронича.

– Хотел как лучше, – пробормотал шеф, опуская глаза.

Глаза у него были красные, в прожилках, сорочка несвежая, а брюки мятые. Похоже, шеф со вчерашнего дня не покидал кабинета. На господине Хабибе был все тот же ослепительно яркий наряд. Неужто они с Броничем ночь напролет уточняли детали предстоящей работы? Или листали иллюстрированные альбомы?

– Вы б ему еще Рембрандта подсунули! – сердито прошипела я шефу. – «Автопортрет с Саскией на коленях», например!

– Хватит болтать, только зря время теряешь! – грубо оборвал меня Бронич, который обычно до отвращения любезен. Он скрипнул зубами и недвусмысленным жестом выпроводил меня из кабинета:

– Иди работай!

И я пошла, но не работать, а домой – плакаться, как маленькая обиженная девочка, в жилетки любящим родственникам.

Дома был только папа, он возился на кухне.

– Привет! – жалобно вякнула я из прихожей.

– Да-да, конечно, – невпопад ответил он.

Я прошла в кухню, осмотрелась и поняла, что замочить слезами отцовскую жилетку в ближайшее время мне не удастся. На папуле была не жилетка, а кухонный фартук, и

это означало, что он слишком поглощен творческим процессом, чтобы заметить мои страдания. Глава нашей семьи – талантливый автор-изобретатель кулинарных рецептов, оценить которые могут читатели популярного журнала «Очаг и жаровня». А первыми – и не всегда добровольными – дегустаторами папулиных шедевров становимся мы, его родные и близкие.

– Что это будет? – опасливо поинтересовалась я, окинув взглядом живописный натюрморт на кухонном столе.

Я сумела опознать далеко не все его составляющие. Конечно, квашеную капусту трудно было с чем-нибудь перепутать, но поразительно аккуратные мелкие кубики красного, оранжевого и светло-зеленого цвета, в принципе, можно было нарубить из чего угодно. Например, из кусков туалетного мыла. Исключать такую вероятность было нельзя: только на прошлой неделе папуля вдохновенно построгал в картофельную запеканку половину стеариновой свечи. Она была призвана заменить собой отсутствующий сыр, а заменила очистительную клизму всем членам семьи разом. Не позднее, чем через четверть часа после ужина среди едоков развернулась такая борьба за ватерклозет – куда там битве за Берлин!

– Это будет кабачок по-баварски! – ответил папуля, двумя руками вытягивая из кучи разноцветных ошметков то, что я сначала приняла за фаянсовую вазу салатного цвета.

Ни к фаянсу, ни к салату гигантский кабачок отношения

не имел, а вот с вазой у него, действительно, было много общего. Например, внушительный внутренний объем, который папуля принялся заполнять прочими составляющими разворошенного натюрморта. Он послойно загрузил в кабачковую вазу квашеную капусту, кусочки сосисок и разноцветные мелкие кубики, а потом поставил фаршированный овощ на попа и заглянул в отверстие. Папулино лицо приняло то озабоченное и сосредоточенное выражение, с которым особенно предусмотрительный турист в последний раз оглядывает содержимое своего рюкзака, проверяя, не забыл ли он положить что-нибудь небольшое, но страшно важное, вроде упаковки мозольного пластыря или набора зубочисток.

– Может, сметанки? – подсказала я, показав на спрятавшуюся за горой очисток баночку.

– Спасибо, – нараспев ответил папуля.

Я уже потянулась к сметане, когда он договорил:

– Спасибо, не надо!

После чего щедро насыпал в горловину кабачка тех самых подозрительных зеленых кубиков, бухнул туда же томатного соуса и заткнул отверстие пучком укропа.

– Как жаль, что у меня сегодня разгрузочный день! – поторопилась сказать я с огорчением, которое, боюсь, было недостаточно искренним.

– Ничего, – успокоил меня папуля. – Кабачок мы будем кушать завтра. Сегодня в меню самые обыкновенные котлеты.

– Я перепутала, разгрузочный день у меня как раз зав-

тра! – заявила я.

В прихожей громко хлопнула дверь.

– Ку-ку, я дома! Есть кто живой? – шумно сбрасывая на пол туфли, прокричал Зяма.

– Пока что все живые, – пробормотала я в ответ. – То ли дело будет после завтрака!

– Привет, папуля, привет, Индюха! – поздоровался Зяма, войдя в кухню. Он потер ладони и огляделся: – Ну, где пиво? Папуля, ты вроде собирался организовать нам баварский кабачок?

– Пиво? – удивилась я.

– Пиво! – Папуля звонко шлепнул себя ладонью по затылку. – Не зря мне казалось, что я что-то забыл!

Он открыл холодильник, взял из гнездышка на боковой полочке одинокую жестянку «Баварского светлого», ловко открыл ее, вытащил из кабачковой емкости укропную затычку и аккуратно залил туда пиво.

Зяма шумно сглотнул.

– Кабачок по-баварски – это вот! – сказала я, указав на овощ со сложной начинкой.

– А пива, значит, больше нет? – огорчился Зяма.

– Хочешь, сбегая в супермаркет? – предложила я, мигом придумав, какую пользу можно извлечь из его жажды.

– С чего бы это? – прищурился братец. – Говори, что тебе нужно?

– Помощь нужна, – честно призналась я. – Хочу исполь-

зовать твой богатый жизненный опыт.

– Безболезненно? – уточнил Зяма, имеющий, в частности, богатый опыт общения со мной.

– Абсолютно! – пообещала я.

– Тогда беги! – разрешил братец.

Я сдернула с вешалки сумку и птицей полетела в магазин. Денег в кошельке хватило как раз на упаковку Зямино-го любимого «Баварского светлого». Под тяжестью вязанки из шести поллитровых жестянок моя стройная фигура пере-косилась. Вдобавок, отправляясь в забег за пивом, я не до-гадалась переобуться и унеслась в супермаркет в босонож-ках на каблуках, так что на обратном пути покачивалась, как тонкая рябина на ветру. С той разницей, что рябина мирно растет на своем месте, а мне предстояло пройти от магазина до дома метров триста, а потом еще вознестись на седьмой этаж. Увы мне, лифт сегодня не работал!

Потая и сердясь, я цокала каблуками по ступенькам, и уже где-то между вторым и третьим этажом глубоко пожалела, что вызвалась быть девочкой на побегушках. К четвертому я начала ворчливо приговаривать в такт своим замедленным шагам, как Женя из «Иронии судьбы»:

– Надо меньше пить! Пить надо меньше!

А к пятому этажу я уже почти ненавидела Зяму, которому приспичило среди бела дня лакать это проклятое пиво!

До финишной прямой у двери родной квартиры оставалось еще четыре лестничных марша, когда я услышала внизу

звуки человеческих шагов и цоканье собачьих когтей. Очевидно, в отличие от меня пес и его хозяин не были отягощены поклажей, а также не носили каблуков, поэтому поднимались легко, быстро и должны были вот-вот меня догнать. Мне этого совершенно не хотелось! Я безошибочно угадала, что вслед за мной по лестнице шагают мой сосед сверху Денис Кулебякин и его четвероногий друг бассет-хаунд Барклай.

Встречаться с ними я не желала, хотя Денис – очень милый мужчина, а Барклай – совершенно очаровательный пес. К сожалению, отношения у нас сложные. Денис с некоторых пор претендует на то, чтобы называться моим женихом, а я вовсе не хочу выходить замуж, даже за него, приятного во всех отношениях. Честно говоря, мне не хочется расставаться со своей девичьей свободой! Впрочем, для Дениса у меня другая отговорка: я не хочу официально вступать в брак, потому что не желаю принимать мужнюю фамилию. Сейчас я Кузнецова, и это не бог весть какое звучное родовое имя, но папуля с мамулей в недобрую минуту коллективного помрачения рассудка окрестили меня Индией – как родину Махатмы Ганди. Индия Борисовна Кузнецова – каково? Впрочем, к этому ФИО я за двадцать девять лет жизни уже притерпелась, но вот Индия Кулебякина – это, по-моему, явный перебор!

Денис мог бы предложить мне оставить после регистрации брака девичью фамилию, но это претит его гордости и

чувству собственного достоинства. Мой самолюбивый жених служит в милиции, а там чрезвычайно высоко ценят мужественность во всех ее проявлениях, так что друзья-товарищи не поймут моего милого, если он проявит слабость и пойдет на поводу у капризной барышни. Мы уже неоднократно обсуждали данную тему, и мне это смертельно надоело. Я, если можно так сказать, взяла отпуск и теперь отдыхаю от любимого и связанных с ним морально-этических проблем. В переводе с образного языка на нормальный это означает, что я от Дениса прячусь.

– Гау! – слышалось этажом ниже.

Я поняла, что Барклай идет по моему следу, и без раздумий толкнула дверь, с которой как раз поравнялась. Хорошо, что в нашем доме у меня полно друзей и знакомых! В этой квартире живет моя бывшая одноклассница Алка Трошкина, она меня знает и любит, а потому не рассердится, если я без стука вломлюсь в ее мирное однокомнатное жилище!

С этой мыслью я ворвалась в двадцать первую квартиру и прямо в прихожей налетела на хозяйку.

– Ой, кто это?! – испуганно пискнула Алка, которую я признала только по голосу.

– Кузнецова! – По школьной привычке назвавшись по фамилии, я захлопнула дверь.

– Кузнецова, ты с ума сошла? – укорила меня Алка. – Почему ты не постучалась?

– Некогда было, – ответила я, прикладывая ухо к двери.

Пара ног и две пары лап протопали мимо.

– Уфф! – выдохнула я, оборачиваясь к подруге. И вытаращила глаза: – Трошкина! Ты что это с собой сделала?!

– А что тебе не нравится? – Алка надула губы.

Даже надутые, они остались тонкими и бледными. Трошкина вообще не слишком яркая девица, в школьные годы она была типичной серой мышкой: маленькая, худенькая, с тонюсеньким пегим хвостиком на просвечивающей сквозь волосы розовой макушке. Прямо, бледная и замороженная Дюймовочка!

Правда, в студенческие годы Алка расцвела и похорошела, а в последнее время и вовсе преобразилась. Трошкина – жутко увлекающаяся натура. На Новый год ей кто-то подарил книжку про магию Вуду, и Алка немедленно стала правоверной «вудисткой». Она засела в солярии и загорела до черноты, наплела у себя на голове целую копну толстенных мохнатых косичек и обвешалась серебряными и костяными украшениями весьма странного и неприятного вида. Половину зимы, всю весну и часть лета Трошкина проходила в свободных платьях из пестрого шелка, бахромистые подолы которых занято торчали из-под кроличьего тулупчика и стеганой курточки. Бдительные милиционеры принимали колоритную Алку за лицо цыганской национальности и постоянно останавливали «вудистку» на улице, живо интересуясь ее документами.

Трошкина, которая стояла передо мной сейчас, походи-

ла на поклонницу культа Вуду не больше, чем я с моим ростом 175 см и длинными ногами – на ожиревшего тюленя. Косметики на узком личике подруги не было вовсе. Короткие волосики топорщились на маленькой голове, как перышки промокшего воробушка. И расцветки они были примерно такой же: пепельные у корней и вороные на концах. Одни эти неотстриженные брюнетистые кончики напоминали о знойном вудистском имидже, имевшем место быть совсем недавно. Теперь Трошкина была тусклой, как дождливый день. Ее шею охватывали самодельные бусики из ореховых скорлупок, а на хрупком теле болтался прямого силуэта сарафан на веревочных лямочках. Всем своим видом это явно самодельное одеяние навевало воспоминания о мешках с картошкой, сахаром, мукой и крупами. Я кстати вспомнила, что голодна, и громко сглотнула слюнки.

– Пообедаешь со мной? – услышав этот недвусмысленный звук, любезно предложила Алка.

– А что у тебя на обед? – поинтересовалась я, не спеша соглашаться.

В период своего нездорового увлечения культом Вуду Трошкина питалась исключительно блюдами африканской и гаитянской кухни – в основном бананами в разных видах. С другими африканскими продуктами в наших широтах, прямо скажем, трудно. Меня лично подруга угощала блюдом, которое напоминало жареную картошку с грибами, хотя вместо картофеля для его приготовления были использова-

ны незрелые бананы, а опенки заменяло мясо кальмара. Мне лже-картошка с эрзац-грибами не понравилась, зато Алкины банановые драники впечатлили даже моего папулю!

– На обед у меня ячменные проростки с простоквашей и паровая брюква, – охотно ответила Трошкина.

– Нет, спасибо, я дома пообедаю! – отказалась я.

Папулин фаршированный кабачок по-баварски уже не казался мне таким тошнотворным.

– Тогда просто зайди, посидим, записи послушаем, – предложила гостеприимная подружка. – Слышишь, какая прелесть?

Она по-птичьи склонила голову к плечу, прислушиваясь к звукам, доносящимся из комнаты. Я повторила эту пантомиму и тоже обратилась в слух, но никакой музыки не услышала. В комнате занудно чирикала какая-то пичуга, поскрипывали древесные стволы и журчала вода. Последнее меня здорово раздражало, навевая мысли о текущем унитазажном баке. С тех пор как в нашей квартире установили счетчики-водомеры, меня нервирует даже апрельская капель.

– Слышь, Трошкина, а как называется твоя новая блажь? – немного невежливо поинтересовалась я.

– Природничество, – ничуть не обидевшись, ответила Алка. – Учение об экологически чистой жизни в гармонии с природой. Потрясающе интересно и очень полезно для здоровья! Хочешь, расскажу?

– В другой раз, – ответила я, покосившись на подружкины

ноги.

Ступни ее были босы, одну щиколотку охватывал кожаный шнурочек, завязанный трогательным бантиком, а на другой коричневой краской был криво нарисован кокетливый цветочек.

– Я еще зайду, – пообещала я, просовывая собственные ступни в перепонки модельных босоножек и подхватывая упаковку вредного для здоровья пива. – Как-нибудь на днях. Или на неделе.

Денис и Барклай Кулебякины благополучно проследовали в свои апартаменты на восьмом этаже, и я без происшествий вернулась домой. Разулась, избавилась от сумки и поволокла пивные банки в комнату брата.

– О, мое любимое! – обрадовался «Баварскому» Зяма. – Присаживайся, будем трапезничать. Я потихоньку из холодильника нормальной закуски натырил: вот котлетки, сыр и малосольные огурчики. Только хлеба нет.

– Я могу и без хлеба, – отмахнулась я.

– И бокалов нет!

– Могу и без бокалов. А куда присаживаться? – Я огляделась.

Мой брат Казимир – дизайнер. Свою комнату он обставил стильной мебелью, некрупные предметы которой свободно можно выносить в черном ящике участникам телепередачи «Что? Где? Когда?». Чтобы угадать в отлитой из упругого полупрозрачного пластика гигантской медузе с шестью волни-

стыми ногами и внутренней подсветкой обыкновенный табурет, высокоразвитого интеллекта будет маловато! Понадобятся еще недюжинная интуиция и опыт практического общения с непредсказуемой богемной публикой.

– Так вот же кресло, прямо за тобой стоит! – расслабленно махнул рукой Зяма, успевший глотнуть «Баварского».

– Это? – уточнила я, через плечо показав пальцем на подобие большого веретена, в проволочной обмотке которого зияла рваная дыра.

Она была подозрительно похожа на глубокую темную нору, и заталкивать в нее свой зад, не убедившись предварительно в отсутствии того острозубого грызуна, который легко перекусывает пластмассовые шнуры в палец толщиной, мне не хотелось. Но Зяма, приоткрыв один глаз, посмотрел на меня с такой насмешкой, что я решила и опустила свой филей в проволочное гнездо. Оно оказалось неожиданно удобным, мягким изнутри, а каркас обмотки, как выяснилось, идеально поддерживал спину, плечи и голову.

– Неплохо! – признала я.

– Хорошо! – поправил меня Зяма, с вульгарным чавканьем заедая пиво холодной котлеткой. – Так о какой помощи ты хотела меня попросить?

– Ох! – Я вздохнула так, что мой проволочный кокон задрожал, как термитник, переживающий смутное время борьбы за власть. – Мне, Зямка, шеф дал особо ответственное задание – найти женщину для съемок рекламного ролика.

– Шерше ля фам, – кивнул Зяма.

– Да не просто ля фам, а сокрушительно красивую толстуху! Молодайку с телосложением раздобревшей Венеры Милосской и обаянием Елены Прекрасной!

– Ничего себе! – хмыкнул Зяма.

– Ах, если бы себе! – Я опять вздохнула, и мое кресло вновь сочувственно завибрировало. – На свой вкус я взяла бы первую попавшуюся хорошенькую пышечку, но кастингом командует лично заказчик, а этому капризному господину Хабибу никак не угодишь! Хочу, говорит, спелый персик! А где я ему этот персик возьму? Толстухи, которые попадаются мне, тянут, максимум, на водянистый абрикос!

– А от меня ты чего хочешь?

– Да хотя бы совета! Кто у нас любимец всех дам в возрасте от пяти до семидесяти пяти? Ты! У тебя каких только подружек не было: и худые, и толстые, и блондинки, и брюнетки! Я даже одну лысую помню!

– Диана! – мечтательно улыбнувшись, вспомнил Зяма. – Только она не лысая была, а бритая.

– Не отвлекайся, – попросила я. – К черту бритых красоток, подумай о толстых. Главный вопрос: где они водятся?

– М-м-м. Дай подумать. – Зяма поерзал на диване, для вдохновения принял еще пива и поднял глаза к потолку. – Так. Я полагаю, пышнотелых юных дев должно быть немало в кулинарных училищах и техникумах.

– То есть в лицеях и колледжах, – кивнула я. – В нашем

городе подобных учебных заведений три, и я обошла их все. Дохлый номер! Упитанных девах там в самом деле полно, но все они какие-то полуфабрикатные.

– То есть сексуально неграмотные и чувственно не разбуженные? – с полуслова понял меня записной ловелас и волокита. – Ясно, сырой материал! Тогда я предлагаю тебе поискать в салонах красоты, косметических клиниках, фитнес-центрах и тому подобных кузницах модельных кадров.

– Смотрела, – ответила я. – Пышнотелые красотки туда, конечно, валят косяком. Только знаешь в чем беда? Все они мечтают похудеть!

– То есть считают свою внешность несовершенной, из-за чего комплексуют и никак не могут быть сокрушительно обаятельными и привлекательными? – догадался Зяма. – Да, Индюха, задала ты мне задачку!

Он залпом выпил третью банку пива и неожиданно предложил:

– Может, тебе в Африку слетать?

– Это еще зачем? – удивилась я.

– А вот я читал, там есть племена, которые женскую красоту измеряют в килограммах: чем дама толще, тем прекраснее! Очень подходящая к твоему случаю философия! Ты только представь, ведь там каждая толстуха глубоко и непоколебимо убеждена в своей неотразимости! Африканские мужики своих подруг в этом поддерживают и даже специально раскармливают! – с этими словами Зяма сунул в рот

кусоч сыра.

– Хорошая идея, но придется ее отложить до тех пор, пока господин Хабиб не распространит свою торговую сеть на Черный континент, – с сожалением сказала я. – Африканские бабы – они же черные, а мы-то белые! Негритянка никак не может рекламировать салон «Кубанский габарит»!

– Индюха, да ты расистка! – добродушно упрекнул меня братец, хрустя огурчиком.

– Вовсе нет, – не согласилась я. – Слушай! А нет ли в наших широтах какой-нибудь этнической или социальной группы, где традиционно ценят массивных дам?

– Секция женского сумо! – предложил Зяма.

– Не пойдет, – я помотала головой. – Там тетки сплошь агрессивные, а нам нужна женственная.

– Тогда я не знаю! – сдался братец.

– Ты подумай еще, ладно? – убитым голосом попросила я.

Зяма моих надежд не оправдал, а сама я уже не знала, что и придумать. Есть и пить мне от огорчения расхотелось. Я выкарабкалась из кресла, которое содрогалось, явно не желая со мной расставаться, и побрела в свою комнату.

Вытянувшись на диване, я закинула руки за голову и уставилась в белый потолок, как на пустой экран. Не знаю, чего я ждала. Может, втайне надеялась, что там чудесным образом проявится изображение искомой красотки с указанием ее домашнего адреса и номера телефона? Ничего подобного, разумеется, не произошло. Зато сверху, из квартиры на

восьмом этаже, понеслись разудалые звуки псевдонародной песни в исполнении Верки Сердючки. Смекнув, что музыку завел Денис, я заворочалась. С чего бы это ему веселиться? Разве он не должен тосковать и грустить, лишившись моего общества и внимания?

– Гоп, гоп, гоп! – неслоь сверху.

Мое воображение услужливо нарисовало сцену пошлой гулянки, устроенной Денисом на пару с Сердючкой. Я прямо-таки видела грудастую молодайку в венке с лентами, выплясывающую малороссийский вариант канкана на уставленном бутылками столе: мониста подпрыгивают и звенят, ноги подпрыгивают и топают, груди подпрыгивают и шлепают!

– Ой! – Я и сама подпрыгнула.

Зямыны речи об африканских красотках органично соединились с моим живописным видением! Как же я сразу не подумала о том, что толстушку для рекламы «Кубанского габарита» вовсе не обязательно искать среди жительниц Кубани! Чем, к примеру, нехороша Верка Сердючка? С таким темпераментом, с такой харизмой – ей бы еще пару пудов живого веса набрать, и лучшей модели не пожелал бы даже привередливый господин Хабиб!

Я села и крепко почесала в затылке. Добраться до Сердючки не проблема, она приезжает к нам с концертами раз пять-шесть в год, а у меня полно друзей-знакомых среди телевизионщиков и антрепренеров, так что, в принципе, я могла

бы организовать похищение звезды. Спрятать ее на нашей даче в Буркове, от пуза кормить высококалорийными деревенскими продуктами... Эх, времени нет, сроку-то мне шеф дал только до конца недели!

«Но ведь Верка Сердючка – это собирательный образ, разве не так?» – вкрадчиво спросил мой внутренний голос.

В свое время он вместе со мной присутствовал на лекциях по литературоведению в педагогическом и подковался по части критического анализа художественных произведений не хуже Виссариона Григорьевича Белинского.

«Узнаваемость и популярность Верки в немалой степени объясняются наличием в реальной жизни ее прототипов! – продолжал вещать внутренний. – Из чего мы с большой степенью вероятности можем сделать вывод...»

– Цыц! – гаркнула я. – Я сама знаю! Надо сбегать на рынки, куда приезжают торговать салом и сметаной пышнотелые украинские молодайки!

«И не забудь еще про вокзал и аэропорт, куда прибывают поезда и самолеты с Украины», – настоятельно посоветовал внутренний голос.

Я не стала его шугать, сочтя и это замечание толковым. И вообще хватит рассусоливать и расслаживаться! Я живо собралась и убежала из дома, позабыв, что так и не пообедала. Недавно еще тесноватая, белая костюмная юбка на мне уже болталась.

– Если так дальше пойдет, к концу недели я сама смогу

рекламировать, только магазин одежды для дистрофичек и лилипуток «Пигмейский габарит»! – посочувствовала я себе.

Чтобы хоть немного утешиться – и утишить урчание в желудке, – я уже на вокзале купила с лотка горячую сосику в тесте и слопала ее в три укуса, дожидаясь прибытия пассажирского поезда Львов – Адлер.

С ним мне не повезло: единственная сдобная хохлушка-хохотушка, которая могла бы претендовать на звание финалистки конкурса роскошной красоты «Мисс Спелый Персик», оказалась проводницей. Белокурая бестия в трещащей по швам форменной одежде шестьдесят какого-то размера была очень хороша, но, чтобы заставить проводницу принять участие в кастинге и съемках, пришлось бы для начала стащить ее с подножки движущегося вагона на перрон. Сделать это без тягача с лебедкой я даже не пыталась: мы с красавицей были в разных весовых категориях. Скорее, это она легко утащила бы меня по маршруту следования поезда.

Я вообразила себе курортный Адлер в разгар бархатного сезона и почти пожалела, что не повисла на подножке вагона. Что за жизнь у меня, несчастной? Люди к морю едут, а я мечусь по городу в поисках неуловимой супердевы – в тесной обуви на каблуке, в деловом костюме, напяленном для пущей солидности, и в бутафорских очках, простые стекла которых совершенно не защищают мои глаза от яростного солнца! Мысленно я поклялась себе, что завтра отправлюсь

на поиски модельной толстухи в спортивной обуви, удобном костюме для сафари и колониальном шлеме. На прокаленном вокзале мне так напекло голову, что перед глазами закружились мушки, а в ушах загудело.

Я намочила носовой платок под водопроводным краном, с непонятной целью выведенным прямо на перрон, возложила мокрую тряпочку на макушку, и вскоре назойливые черные мушки прекратили кружение и жужжание. В поле моего зрения осталось только одно натужно гудящее насекомое, оказавшееся самолетом. Уменьшаясь в размерах, лайнер вонзался в небо, тугое и синее, как воздушный шар.

– Поеду в аэропорт! – решила я, взбодрившись после холодного компресса, и зашагала к остановке экспресса.

С тех пор как Советский Союз развалился и Украина перестала быть одной из пятнадцати сестринских республик, воздушное сообщение между столицей Кубани и Киевом сохранилось лишь в усеченном варианте. Один-единственный самолет летает по этому маршруту летом, в курортный сезон. Зато этот единственный рейс теперь имеет статус заграничного, и его пассажиры проходят на посадку через роскошное здание аэровокзала международных сообщений.

Я приехала за час до вылета борта Екатеринодар – Киев и начала слоняться по прохладному залу, дожидаясь урочного появления отбывающих пассажиров и вызывая нездоровый интерес у службы охраны. Один строгий юноша в форме даже не поленился проверить мои документы. Я представи-

ла ему на изучение удостоверение сотрудника рекламно-информационного агентства «МБС». Рассмотрев его, секьюрити по-прежнему строгим тоном поинтересовался, что я буду делать сегодня вечером. Я с улыбкой ответила, что закладывать мины на взлетно-посадочной полосе не планирую, а мое пребывание в других местах не может быть регламентировано службой охраны аэропорта. После этого юноша перестал быть строгим, постучал пальцем по нагрудной карточке с указанием его имени и фамилии и предложил запросто называть его Димой. Я тут же перестала сожалеть о том, что поутру влезла в тесную белую юбочку и обула парадные боножки на шпильках. Что ни говори, короткая юбка и высокие каблуки – лучшие верительные грамоты для девушки с красивыми ногами!

С кокетливым охранником Димой мы обменялись телефонами. Он, ясное дело, надеялся продолжить знакомство в неформальной обстановке, я же расчетливо подумала, что приятель, работающий в аэропорту, может мне пригодиться. Я даже решила, что имеет смысл от себя лично поручить бдительному Диме высматривать в толпе не только потенциальных террористов, но и красивых крупногабаритных девушек высокой степени привлекательности, однако озвучить свои мысли не успела. Объявили регистрацию на киевский рейс, и в зале стало многолюдно.

Я встала неподалеку от стойки регистрации, чтобы лучше видеть пассажиров, но чопорная девица за барьером по-

просила меня отойти в сторонку. Кажется, ей не понравилось, что отбывающие граждане мужского пола здорово на меня отвлекаются. Я послушно передвинулась в уголок, но оттуда был плохой обзор. Тогда я прихватила с сиротеющей в углу многоэтажной проволочной полочки стопку бесплатных глянцевых журналов и гордо встала в самом центре зала словно для того, чтобы распространять это иллюстрированное издание. Журналы, действительно, расхватили, как горячие пирожки. Причем чтивом в дорогу запасались не только предполагаемые украинцы, но и граждане, регистрирующиеся на рейс «Австрийских авиалиний» Екатеринодар – Вена. Впрочем, чему удивляться? Немцы ведь традиционно славятся своей экономностью.

Последний журнал какая-то любительница бесплатной периодики едва не оторвала вместе с моей рукой. Я опасно зашаталась на каблуках, с трудом выправила равновесие, обернулась, чтобы послать в спину удаляющейся хамки возмущенный взгляд и пару ругательств, и замерла с раскрытым ртом.

Ее туго обтянутая розовой трикотажной майкой загорелая спина цветом, размером и очертаниями напоминала контрабас. Причем не какой-нибудь копеечный, производства Нижнепупкинской балалаечной фабрики, а великолепный инструмент работы Страдивари или Амати! Широкая спина с аппетитным желобком плавно перетекала в мощные бедра и круто выгнутый зад, опровергающий закон всемирного тяго-

тения. Короткие парусиновые шорты не скрывали симпатичных ямочек под коленками, а ноги, икры которых в объёме наверняка превышали объём моей талии, были стройными, гладкими и пропорциональными, как гигантские древнегреческие амфоры. Ростом дама была с меня, но казалась великаншей. Мужчины расступались перед ней, как несерьезные айсберги перед могучим ледоколом, и надолго оставались стоять по обе стороны ее пути, как примороженные пингвины.

Я нервно сглотнула, закрыла рот и побежала, безжалостно топчя пингвиньи лапы, вслед за гулливерской красоткой, чтобы увидеть ее в фас.

Обогнать женщину, которая перла к стойке регистрации, как боевая машина пехоты, мне удалось лишь потому, что бронетехника шла с прицепом. Дама волокла за собой нарядно одетого маленького мальчика, который злокозненно тормозил ногами и громко ревел. Низкий заунывный вой очень шел к образу броневики. Как и грозный взгляд, которым наградила меня сердитая великанша, когда я заступила ей дорогу.

– Простите, я задержу вас всего на одну минутку! – быстро заговорила я, с благоговейным восторгом созерцая мамашу маленького ревы.

Мне уже было ясно: если господину Хабибу не подойдет и эта красотка, значит, он вообще никогда в жизни не видел спелых персиков!

Весу в ней было никак не меньше центнера, и при этом каждый грамм вносил свой вклад в неделимый фонд общей красоты. Это был идеал – великий и прекрасный! Прекрасны были и золотисто-рыжие русалочьи волосы, и круглое лицо с соблазнительно пухлыми губами, и курносый нос в россыпи золотистых веснушек, и яркие голубые глаза, и все до единого три подбородка! Про декольте я вообще молчу, грудь у выдающейся красотки была такого размера и формы, что я впервые искренне поверила: свои бессмертные строки «сидит, как на стуле, двухлетний ребенок у ней на груди» русский поэт Некрасов писал с натуры, а не воплощал нездоровые эротические фантазии гигантомана!

– Сударыня! Не хотите ли вы сняться в телевизионной рекламе? – спросила я, с надеждой заглядывая в бирюзовые глаза могучей красотки и заранее молитвенно складывая руки.

– Мне некогда, – коротко ответила она, рывком подтягивая поближе ревущего пацана.

– Не хочу, не хочу, не хочу! – однообразно вопил капризный малец, словно подсказывая своей мамаше реплику, которая меня лично решительно не устраивала.

– У-тю-тю! Какой хорошенький мальчик! – присев, сладким голосом заворковала я. – А как этого милого мальчика зовут?

– Саса! – выдохнул милый мальчик между двумя «не хочу».

– Миша любит Сашу! – произнес откуда-то снизу ворчливый голосок.

Я едва не подпрыгнула и забегала глазами по полу, разыскивая источник звука. Дикую мысль, будто в компании с великаншей и ее крикливым отпрыском путешествует еще и лилипут, я отбросила сразу, как только увидела в руке у пацана игрушечного медведя.

Таких мягких зверей – мишек и кошек – я видела в дорожном магазине игрушек, когда ходила выбирать подарок маленькой дочке своей приятельницы. Плюшевые звери потрясли мое воображение не только ценой, но и умением произносить короткие фразы, хохотать, плакать и даже обниматься. У меня на говорящего медведя денег не хватило, а мадам великанша, видимо, оказалась более состоятельной. Ребенок явно не привык жалеть дорогие вещи: эксклюзивный костюмчик он уже извозил в пыли, и мишка, которого малец держал за лапу, волочился по затоптанному мраморному полу.

– Какой милый медвежонок! – неизобретательно похвалила я игрушку.

– Пропустите же нас! – нетерпеливо попросила мамаша. – Мы опоздаем к регистрации!

Переступив с одной большой и красивой ноги на другую, женщина нечаянно придавила медвежонок, и он снова сообщил, что Миша любит Сашу. Я лично этого неугомонного Сашу готова была возненавидеть! Если бы не этот невыно-

симый ребенок, его мамаша наверняка была бы более расположена к конструктивному разговору о телевизионных съемках!

– Скажите, когда вы вернетесь? Я обязательно должна встретиться с вами! – заволновалась я, цепляясь за свободную лапу любвеобильного медведя.

Великолепная красотка не обратила на эти мои слова никакого внимания и с ускорением устремилась вперед. Перекошенный состав из одного могучего паровоза с тремя разновеликими вагончиками прибыл к стойке регистрации, и там меня от поезда быстро отцепили.

«Екатеринодар – Вена», – прочитала я на табло.

Эх, далековато улетает моя «русская Венера»! Или с учетом пункта назначения правильнее будет назвать ее «Прусской»?

Я с сожалением отследила перемещение женщины с ребенком и медведем в «накопитель»: мальчик продолжал реветь, а попираемый ногами топтыгин – с мазохистским пылом признаваться маленькому хозяину в любви.

– До свиданья, мой ма-аленький ми-и-шка! – печально напела я себе под нос, словно провожала игрушечного косолапого с компанией в последний путь.

Регистрация на австрийский борт заканчивалась, а самолет в Киев уже улетел. В зале вновь стало просторно и тихо. Я увидела, что знакомый охранник приветливо машет мне рукой, и отвернулась. В этот нерадостный момент

мне очень хотелось набить кому-нибудь морду, но осмотрительный внутренний голос подсказывал, что вооруженный охранник – не лучшая кандидатура на роль боксерской груши.

Никаких дел в аэропорту у меня больше не было, и я поехала домой. Авось папуля предложит полдник, которым я заменю пропущенный обед, и мое душевное состояние улучшится вместе с физическим!

Я мечтала о тишине и спокойствии, но дома оказалось почти так же шумно, как в аэропорту. Самолетный рев с успехом заменял трубный голос гостыи, в роли которой по звуку легко можно было вообразить, например, слониху, занозившую три ноги из четырех. Четвертая конечность слонихи определенно была в норме, потому что звериный рев сопровождался гневным топотом. У соседей снизу побелка с потолка должна была сыпаться, как перхоть в рекламе шампуня!

– Не пугайся, у нас в гостях Любаша, – поторопился предупредить папуля, открыв мне дверь.

Зяма высунулся из кухни, где они с папулей малодушно отсиживались, и призывно замахал одной рукой. Другой он выразительно жестикулировал, призывая меня к молчанию. Я поспешила избавиться от предательски цокающей обуви и потихоньку укрыться в пищеблоке – подальше от гостиной, где бушевал редкий по накалу страстей скандал.

Ругались двое – Любаша и наша мамуля, а шум стоял, как

в разгар битвы при Бородине. По обрывкам фраз, доносившихся до недостаточно звукоизолированной кухни, мне удалось понять, что причиной нешуточной ссоры старых добрых приятельниц стал производственный момент. Наша мамуля – популярная писательница, успешно подвизающаяся в жанре литературного кошмара, а Любаша, она же тетя Люба или Людмила Семеновна Крошкина, – ее бессменный ведущий редактор. Она сопровождает мамулины произведения от письменного стола автора на всем замысловато петляющем пути по коридорам издательства и вплоть до типографии. Обычно мамуля и Любаша воркуют, как голубки.

– А что случилось? – шепотом поинтересовалась я, опустившись на диванчик и вытянув гудящие ноги.

– Она все-таки сделала это! – ответил Зяма.

В продолжение и развитие сказанного он изобразил небольшую пантомиму: схватил себя двумя руками за горло, выкатил глаза, вывалил язык, захрипел и повалился на бок, придавив меня на диване и локтем сбив со стола соусник. Посудинка грохнулась на пол и разбилась, а вылившийся из нее кетчуп запятнал мои белые одежды некрасивыми пятнами.

– Это же был мой парадно-деловой костюм! – возмутилась я, отпихнув Зяму, который не заметил произведенных им разрушений и продолжал биться в конвульсиях.

– Что? – Братец ожил. – А, пустяки! Я тебе подарю новый костюм, по-настоящему нарядный!

– Не надо! – испугалась я.

Зяма как настоящий художник-авангардист щеголяет в таких нарядах, один вид которых мог бы довести до самоубийства стайку завистливых райских птичек. Я не хотела превратиться в попугаиху!

– Лучше деньгами, – добавила я.

– А вот с деньгами у нашего семейства теперь могут начаться проблемы! – вздохнул Зяма. – Мамуля-то наша как-то, а? Решительно и бескомпромиссно закопала финансовый источник!

– Да объясните вы мне толком, что такого натворила наша мамуля? – рассердилась я.

Папуля молча протянул мне пачку бумажных салфеток, чтобы промокнуть томатные пятна.

– Она грохнула Кузю! – ответил Зяма голосом, в котором смешались ужас и восторг.

Типичная реакция на мамулины произведения!

– Правда? – Я недоверчиво посмотрела на папу.

Он кивнул. Я так удивилась, что даже перестала оплакивать свой погубленный костюм. Надо же, мамуля наконец-то убила Кузю! Поверить в это было трудно.

– Как говорил Иоанн Грозный: «Я тебя породил, я тебя и убью!» – пробормотала я, имея в виду сложные взаимоотношения нашей мамули с убиенным ею Кузьмой.

Кузей она окрестила персонаж, которого придумала несколько лет назад. Происхождения он был смутного – ря-

занский вурдалак по отцовской линии и трансильванский вампир по материнской, темперамент имел взрывной, как Везувий, а характер – легкий и ироничный, насколько это возможно для представителя нечистой силы из отряда кровососов. Вдобавок мамуля щедро наделила Кузю задатками лидера, так что апатичная нежить, залежавшаяся на тихих отечественных погостах, получила в его бледном лице прекрасного организатора и руководителя. Кузьма стал главным героем целой серии произведений, которые снискали мамуле бешеную популярность. С появлением Кузи мамулины книжки стали продаваться так хорошо, что издательство отпочковало их от цикла «Женские ужасы», выделив в самостоятельную серию «Семейный кошмар». За пять лет мамуля написала двадцать пять романов с Кузей в главной роли, и эта жестокая эксплуатация вампира человеком оказалась весьма прибыльной. Смерть Кузьмы могла существенно уменьшить мамулины гонорары.

– Любаша очень недовольна, – точно угадав, о чем я думаю, со вздохом сказал папа. – Она требует возвращения Кузьмы, опасаясь резкого падения спроса.

– А мамуля ни в какую не хочет возвращать Кузю в мир живых! – добавил Зяма. – Говорит, она от него жутко устала! Он ее связывает по рукам и ногам, не оставляя никакого пространства для творческого маневра!

– Слушайте, а как она его... того? – спросила я, изобразив купированную версию Зяминой пантомимы.

– Грохнула-то? – правильно понял меня братец. – О, мамуля сделала это красиво! В финале ее последней повести Кузя имел неосторожность прогуляться по системе подземных коммуникаций от своего комфортабельного склепа до заброшенного кладбища, над которым соорудили поле для гольфа. Ну, вылез он, как водится, из сырой земли – бледный, но с располагающей улыбкой, обнажившей начищенные до блеска глазные клыки. В общем, душка-вампирчик! А какая-то нервная новорусская дамочка с перепугу возьми да и долбани красавчика по темечку своей клюшкой для гольфа!

– Пардон! – с претензией встряла я. – Это абсолютно недопустимо! По всем канонам, вампира нельзя убить ударом по голове! По правилам его надо пронзить осиновым колом!

– В том-то и фишка, что клюшка у дамочки была деревянная и как раз из осины! – радостно закивал Зяма. – От удара о Кузину голову она сломалась, и получился превосходный кол, которым дамочка начала фехтовать! Эх, не повезло Кузе! Ну, помянем беднягу!

Тут только я заметила, что на столе, помимо еды, имеются рюмки. Две были пусты, а третья полна до краев и аккуратно накрыта кусочком хлеба. Я поняла, что папуля с Зямой душевно поминали усопшего Кузю.

За этим тоскливым разговором мы незаметно поужинали. Судя по отсутствию в меню экзотических блюд, папулю как художника здорово деморализовали шумные разборки. Ше-

девров кулинарного творчества в меню не наблюдалось. Самым рискованным гастрономическим сочетанием на столе был кривобокий бутерброд с арахисовым маслом, колбасой и помидорами, собственноручно сооруженный Зямой.

– И что теперь? – слопав свой оригинальный сандвич, озабоченно спросил братец.

Поскольку одновременно с этим он зорко оглядел опустевший стол, я решила, что Зяма интересуется десертом. Однако опечаленный папуля понял его иначе.

– Теперь надо надеяться, что мамуля с Любашей придут к компромиссу, – вздохнув, сказал он.

– Что, компромисс с мамулей? – я недоверчиво фыркнула. – Как же! Долго ждать придется!

В памяти еще были свежи мои собственные яростные перепалки с родительницей: лет десять назад, когда у нас был одинаковый размер обуви, мы ежеутренне спорили, кто наденет лучшие туфли. «Великое башмачное противостояние», как называл нашу маленькую войну ехидный Зяма, продолжалось почти два года. Потом как-то разом выросли и мои ноги, и благосостояние нашей семьи, и туфельный кризис потерял свою остроту. Но я не забыла, как настойчиво и аргументированно умеет доказывать свою правоту наша разносторонне образованная мамуля!

– Пожалуй, я пойду прогуляюсь! – решила я.

– А у меня в двадцать один ноль-ноль деловая встреча! – сообщил Зяма, взглянув на настенные часы, стрелки кото-

рых едва перевалили за пять часов. – Времени в обрез! Папульчик, ты помоешь посуду? Я приму ванну и буду собираться.

Я великодушно удержалась от ехидного вопроса, что это за деловая встреча, которая требует предварительного принятия ванны и трехчасовых сборов. У меня ведь тоже не было никакой необходимости в прогулке, кроме желания удалиться подальше от словесной баталии мамы и Любаши. Битва литературных титанов грозила затянуться, как война мышей и лягушек в пародийном древнегреческом эпосе.

Решив дождаться ухода Любаши в виноградной беседке у подъезда, я даже не стала переодеваться. Если я буду спокойно сидеть на лавочке, чинно сложив руки на коленках, томатных пятен на моей юбке никто не увидит.

На сей раз мне хватило ума обуть не босоножки на каблуках, а удобные легкие тапочки, так что затяжной спуск по лестнице дался мне без труда. Тем более что дошла я только до пятого этажа и там остановилась, засмотревшись на дверь двадцать первой квартиры.

Чудачка Трошкина украсила ее подобием косматого венка из какой-то полусушеной растительности. Возможно, в Алкином понимании это был наш кубанский аналог тех нарядных еловых венков, которые американцы вывешивают на дверях своих домов в знак гостеприимства. С моей точки зрения, за декоративное украшение растрепанный сноп тощих колосков не канал, а в качестве приглашения заглянуть

на огонек мог заинтересовать только очень голодное жвачное животное.

Высоко подняв брови, я критически разглядывала эту жалкую помесь гербария и икебаны и вдруг заметила, что из квартиры валит сизый дым!

Растяпа Алка только на прошлой неделе потеряла последний ключ от своего жилища и вынуждена была поставить новый замок. На месте старого, который пришлось грубо выбить, все еще зияла дырка. Именно из нее шел дым, показавшийся мне нестерпимо вонючим.

Я мгновенно придумала этому вполне правдоподобное объяснение. Видимо, Трошкина дошла в своем новом увлечении природничеством до полного угара – во всех смыслах! Запалила в комнате пасторальный костерчик, поджарила на палочке пару лесных сыроежек в дополнение к основному блюду из брюквы с проростками, а потом сожрала свои галлюциногенные грибочки и отключилась, не затушив дымящий очаг на паркете!

Я толкнула дверь, но она была закрыта. Вышибать двери, даже самые обыкновенные, деревянные, я не умею, поэтому и пробовать не стала. В моем представлении ловко пробивать заградительные сооружения собственными крепкими плечами, ногами и головами должны физически сильные мужчины героических профессий – в диапазоне от слесаря-сантехника до представителя вооруженных сил. Разумеется, я не могла забыть, что один такой боец невидимого

фронта живет прямо надо мной, и побежала за помощью к Денису Кулебякину.

Дверь распахнулась даже раньше, чем затихла трель звонка, потому что Денис и Барклай как раз вышли в прихожую, собираясь на прогулку.

– Скорее! Там Трошкина загибается! – выкрикнула я в лицо своему любимому менту.

От волнения я изъяснялась невнятно, но умница Денис не стал уточнять, где и как именно загибается Трошкина. Как настоящий герой, он без расспросов и раздумий бросился на помощь! Так же героически проявил себя и бассет. Оба полетели соколами!

К сожалению, мой собственный полет был лишен всяческой красоты, хотя я тоже не задержалась с разворотом. Но Денис ринулся вперед, обходя меня справа, а Барклай рванул слева, и соединявший пса и хозяина прочный кожаный поводок подсек меня под колени!

Стартовала я так резко, что в нашем спонтанном спринтерском забеге по трем условным дорожкам один лестничный марш, безусловно, лидировала, но на первом же повороте Денис и Барклай меня обошли. Когда, стерев животом пыль с дюжины ступенек, я затормозила на площадке между восьмым и седьмым этажом, парни уже приближались к пятому. Замешкавшись, первый – неудачный – наскок Дениса на Алкину дверь я пропустила, но зато второй дубль увидеть успела и даже залюбовалась, как слаженно и результативно

действовали Денис и Барклай!

Мой милый с разбегу бухнул в дверь ногой. Дерево за-
трещало, Денис мужественно выматерился, схватился за ко-
лено и подался в сторону. Благодаря этому бассет полу-
чил беспрепятственный доступ к перекосившейся преграде
и успешно завершил штурм, поднявшись на задние лапы и
толкнув дверь передними.

– Апчхи! – оглушительно чихнул Денис.

– Что она там запалила, идиотина? Пластиковые стакан-
чики из-под мороженого? – озадаченно бормотала я, мед-
ля нырять в клубы густого сладковатого дыма с отчетливым
привкусом ванили.

– О, черт! – громко вскричал Денис, которого я потеряла
из виду сразу, как только он вошел в квартиру.

Зато я заметила белый конверт, который раньше, навер-
ное, торчал в двери, а теперь валялся на полу. Я машиналь-
но подобрала его и повертела в руках: обычный конверт, чи-
стый, без всяких надписей и почтовых отметок.

Тут Барклай, скуля, как щенок, выбежал из задымленной
квартиры на лестницу и уселся на цементный пол, елозя ла-
пой по морде. Выглядело это так, будто пес плакал и выти-
рал слезы. Я испугалась, что с Трошкиной случилось нечто
такое страшное, чего не смогла вынести даже тренированная
милиейская собака. Может, Алка наложила на себя руки?
Вот и конверт какой-то подозрительный нашелся, не иначе
с последним «прости»!

В тревоге за судьбу подружки я ворвалась в дымное облако, как реактивный самолет в грозовую тучу.

Конечно, я не хотела наступить на Алку! Я ведь знать не знала, что она лежит на полу задымленной комнаты, сложив ручки на груди и тихо улыбаясь, как великомученица, радуясь своему долгожданному переходу в мир иной! А под Алкиными руками на ее чахлой груди багровело некрасивое пятно, похожее на красную звезду с кривыми, как пиявки, лучами.

Если бы я созерцала эту сцену дольше, чем долю секунды, то могла бы здорово испугаться! Впрочем, я и так испугалась, когда придавленная моими ногами Трошкина неожиданно широко распахнула глаза заорала:

– Мама! – и сначала села так резко, словно в пояснице у нее был шарнир, а потом задом наперед с умопомрачительной скоростью уползла в угол и спряталась там за занавеской.

– Мама! – эхом повторила я, хватаясь за сердце.

Кровавая клякса на груди у Трошкиной живо напомнила мне недавние внутрисемейные разговоры об убийстве с помощью подручных предметов из осиновой древесины. Вдобавок, у подружки было круглое красное пятно на лбу, имевшее такой вид, будто Трошкиной между бровей всадили пулю. Впрочем, с такой трактовкой оригинального макияжа никак не вязалась живость, проявленная Алкой при отступлении за шторы. Разве что Трошкина была зомби, нехарактерно пугливым для нормального живого мертвеца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.